Кириченко С.Н.

ГЕРОИЧЕСКОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.А.ФЕТА О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ XIX ВЕКА

Героическое в военной прозе и поэзии А.А.Фета о Крымской войне (1853-1855) представлено как тематика и как составляющая эстетической категории прекрасного. Обращение поэта «чистого искусства» к теме героического рассматривалось как реабилитирующее его в контексте литературной полемики XIX в.: якобы «второстепенный» поэт тоже был не чужд общественной тематики. Почти такое же представление о нём существовало в советском литературоведении. Современная наука как никогда ранее уделяет внимание вопросам биографии А.Фета (Кузьмин И.А.) [3], проблемам литературного наследия, исследуются его художественные методы: импрессионизм, эстетический реализм (В.Н.Аношкина) [1], эестетические принципы (Л.Розенблюм) [5], менее изучена военная тематика его произведений о Крымской войне, которая справедливо видится критикам не главной в его творчестве, а данью времени. В характере личности поэта отмечается двойственность: сочетание житейской практичности и утонченного эстетического вкуса. Попытаемся пересмотреть существование устоявшихся стереотипов в литературной критике относительно произведений А.Фета, его личной жизни и ответить на следующие вопросы: существовало ли в действительности противостояние «Некрасов–Фет», ставшее предметом полемических раздоров на страницах литературно-критических журналов («Современник», «Отечественные записки»); обосновано ли считать гражданскую (военную) тему в творчестве поэта обособленной от всего наследия или она органически вписывается в его эстетическую программу; правомерно ли говорить о сочетаемости несовместимых понятий в характере и поступках Фета–человека и художника или представлять его как цельную натуру–в быту и в литературном творчестве на протяжении всего жизненного пути.

В поэзии и прозе А.Фета о Крымской войне затрагивается как основная проблема героического, которая даёт повод поэту для размышлений о понятии героики как эстетической категории (что является предметом героического воспевания, каковы истоки героики и т.п.). Военная тематика была свойственна больше гражданскому направлению в поэтическом творчестве, чем в «искусстве для искусства», течении, к которому относили во второй половине XIX века произведения поэта. В эстетической мысли этого периода происходила полемика о путях развития, содержания и назначения поэзии, отмечалось существование двух основных направлений – поэты некрасовской школы, социальной, общественной тематики, и поэты «чистого искусства», избравшие для своего творчества темы прекрасного в действительности, каковыми, согласно теории Н.Г. Чернышевского, являлись любовь и природа. Анализируя произведения того и другого направления, спорящие стороны нередко прибегали к уничижительной критике, иронически отзываясь о художественных принципах своих оппонентов. Так, к примеру, на страницах журнала «Современник» Д.И. Писарев мог позволить себе назвать А.Фета «микроскопическим поэтиком», а М.Е.Салтыков-Щедрин – «родоначальником эмбрионической поэзии» [**6**, 141] из-за отсутствия в его стихах значительных общественных тем. Сам А. Фет считал не делом поэзии иллюстрировать события, ему чужда была «гражданская скорбь» поэзии Н.А. Некрасова.

Непримиримые, на первый взгляд, позиции теоретиков искусства сегодня видятся дополняющими друг друга в едином эстетическом учении о прекрасном. Идеалу прекрасного в человеке и обществе и отражению его в литературе посвятили свою деятельность писатели-демократы, служению красоте природы и чувств – поэты «чистого искусства». Героическое как эстетическая категория и как тематика его крымской поэзии и прозы не являются исключением в творчестве А. Фета, а естественным образом становятся одной из составляющих категории прекрасного. Категория героического в эстетике В.Г. Белинского предполагает изображение поступков героя, обязательно связанных с возможностью или необходимостью гибели: «Что делает человека героем? – Неизменная возможность трагической гибели…готовности принести в жертву то, что даётся на земле только раз и никогда не возвращается…» [**2**, 19]. Н.Г. Чернышевский, продолжая мысль своего учителя, утверждал, что героическое, сопряжённое с гибелью, может доставлять человеку приятное: смерть кажется ему лучше, чем стыд, боль от унижения и позора, и потому относится к категории прекрасного [**8**, 65]. В оценке человеческих устремлений оно доставляет наслаждение, изображённое в искусстве – эстетическое наслаждение. В эстетике В.Г. Белинского и Н.Г.Чернышевского – героическое является составляющей категории прекрасного и потому оно не было чуждо поэтам «чистого искусства». У писателей общественной тематики теория вступала в противоречие с практикой: подвергая критике идеалы прекрасного в произведениях художников-эстетов, они сами служили прекрасному своим творчеством. Исходя из теории Н.Г. Чернышевского, идейного вдохновителя демократической литературы, самым прекрасным в действительности является человек и общество («самая высшая сфера прекрасного– человеческое общество») [**8,** 223], добро является постоянным источником наслаждения, и в искусстве – стремление к добру, к совершенству человеческих отношений, к чистым нравственным чувствам относится к категории прекрасного [***8***, 521]. Похожие противоречия наблюдались в теории и практике школы «чистой поэзии». Высказывая в литературных манифестах пренебрежение к общественным влияниям в искусстве, отдавая предпочтение изображению красоты природы и чувств, поэты «чистого искусства» воспитывали чистые нравственные чувства и тоже имели «практическую пользу» – «служили на пользу своего отечества» [**8,**445]. Так, отражённое в литературной полемике XIX в. противостояние «Некрасов – Фет» (поэты-демократы и поэты-эстеты) было преувеличено, с точки зрения сегодняшнего видения эстетики прошлого, его не должно было существовать.

Жизнь и творчество А. Фета проходили под знаком служения прекрасному. В сложившейся литературной обстановке 60-х годов XIX в. А.Фет занимал скромное место среди так называемых «второстепен-

ных» поэтов, т.к. ведущее мнение в эстетике принадлежало критикам демократического направления. Поэтический мир А. Фета характеризовался как «довольно тесный», «однообразный», «ограниченный» [**6,** 139]. М.Е.Салтыков-Щедрин, перечисляя, на его взгляд, скудную «поэтическую трапезу г. Фета (тематику поэзии): «…вечер весенний, вечер летний, вечер зимний; утро весеннее, утро летнее, утро зимнее…кончик ножки, душистый локон, прекрасные плечи…», – иронически заключал: «такими кушаньями не объешься» [**8,** 142]. В статье о Фете отзывы о его стихах выстроены следующим образом: «прекрасно.., но…»; слова-ограничители «но», «хотя» как бы перечёркивают сказанное положительное о достоинствах поэзии, но не мешают увидеть в критике писателя-демократа с опережением на столетие объективную оценку художественному таланту поэта: «редко можно найти стихотворение, которое своей благоуханной свежестью обольщало бы читателя», «прелестное стихотворение:

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья…».

Отмеченные как негативные особенности поэтики: «содержание неясное», «это даже не образы, а просто недоконченные штрихи», «внимание скользит, не останавливаясь» и т.п. – современными исследователями характеризуются как стилистические признаки импрессионизма. Служению прекрасному А.Фет следовал не только в творчестве, но в собственном жизнепорядке, везде и во всём стремясь достичь гармонии, совершенства, красоты, руководствуясь, по-видимому, правилами аристотелевской эстетики. В стремлении Фета к прекрасному, не знающему конечного результата, находящемуся в непрерывном движении и недосягаемости, усматривается влияние эстетических принципов Н.Г. Чернышевского (заимствованных им у Гегеля): «Завтра будет новый день, с новыми потребностями, и только новое прекрасное может удовлетворить их» [**8,**109].

Биографы традиционно рисуют жизнь поэта неровной, в ней были вершины расцвета и творческий застой, слишком приземлённые желания и цели, вызывавшие осуждения современников (стремление получить титул дворянства, иметь земли, разбогатеть, жениться по расчёту). Но можно представить жизненный путь поэта эстетически организованным, где каждый его поступок, событие подчинялись стремлению сделать свою жизнь прекрасной во всех отношениях – внешне и внутренне красивой.

Жизнь с детства была окружена страданиями близких (неизлечимые болезни и ранняя смерть матери и сестёр), и он старался быть в добрых отношениях с близкими и дальними родственниками. Запутанная история женитьбы его родителей лишила его спокойного детства и юности, и он всеми силами стремился вернуть ему принадлежащее. Тяжёлые армейские условия ещё более укрепили в нём желание устроить обеспеченную независимую жизнь. И в женитьбе «по расчёту» он был и деликатен и неуверен в себе, и нашёл в жене друга и единомышленника. В хозяйствовании он относился к воспеваемой им природе по науке, преображая и украшая её, усадьбу обустраивая парками, фонтанами, окружая свою жизнь прекрасным. Положив 18 лет труда на устройство красоты в имении Степановка (Орловской губернии), немолодой уже поэт принял решение купить новое имение Воробьёвку (Курской губернии), сделал из старого прогнившего дома снова «прелестную табакерочку» (по выражению его родственника А.Н. Шеншина) и в окружении прекрасной природы вновь вернул себе поэтическое вдохновение.

Фет гордился осуществлением своих эстетических замыслов: «Я был бедняком, офицером…, а теперь, слава богу, Орловский, Курский и Воронежский помещик…, живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Всё это приобрёл усиленным трудом, а не мошенничеством» [**7,** 18]. Многие современники поэта, в том числе и близкие друзья, отмечали двойственность в его характере, несоответствие «житейского» Фета – Фету «лирическому»: «…внутри тебя сидит другой, никому не ведомый, невидимый человек… Ты состарился, а он молод! Ты всё отрицаешь, а он верит! Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклонённый, зарыдать готов перед одним из её воплощений» (Я.П. Полонский) [**7,**18]. В то время как поэт-эстет был гармоничен и целен в своём стремлении к прекрасному в быту и поэзии. И желание уйти из жизни возникло тогда, когда восстановить гармонию счастья и красоты стало невозможным: «Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному» [**7,** 23]. В вознаграждении его жизненными благами Фет усматривал проявление высшей силы – Божьей воли [**7**, 473].

В военной тематике его произведений, связанных с событиями Крымской войны и проблемами героического, также наблюдается тяготение поэта-эстета к прекрасному. Первые впечатления об этом событии относятся к началу военной кампании, в период армейской службы Фета в уланском полку, охраняющем побережье Балтийского моря от возможного нападения английского флота в феврале 1854 г. Фет, непосредственно участвуя в охране берега от неприятельского десанта, отмечает беспорядки в армии, бессмысленность многочисленных приказов, возникавших «вследствие канцелярской неурядицы», изнурявших и калечащих людей и лошадей. Критические замечания высказывались в адрес неграмотных распоряжений командования: русская кавалерия, вооружённая саблями и пиками должна была вступить в бой с английским десантом, имеющим «дальнострельные» ружья [**7**, 283]. И всё-таки, даже в условиях военных неудобств, Фет оставался художником-эстетом: английский фрегат под парусами сравнивается с громадной хищной птицей, «раскинувшей крылья над волнами» [**7,** 281], добротный уклад жизни прибалтийских помещиков (угодья, лес, дороги, усадьбы) уподобляется растению, глубоко пустившему корни в почву [**7,** 279], красота моря изображается как «море красоты»: «белоголовые кони Нептуна», «фонтаны пены», «исполинские гривы валов», «чудные дни», «чудные лунные ночи» и т.п. [**7,** 287].

Мотивы поездки в Крым и записей о Севастопольской обороне в Крымскую войну 1854-55 гг. являются логическим продолжением жизненных планов поэта, устремлённых к постижению прекрасного в действительности и искусстве: «художнику дорога только одна «сторона предметов: их красота» [**7,**19].

Наслушавшись восторженных отзывов приятеля «об очаровательной природе Крыма», Фет проявил желание съездить туда в сентябре 1879 г.: «Стыдно проживать в недалёком сравнительно расстоянии от Крыма и умереть, не видевши южного берега» [**7,** 452]. Желание увидеть красоту было удовлетворено: «Ночь, озаряемая полнолунием и мириадами звёзд, опустилась на землю почти светла, как день, мы были поражены всем видимым»; «признаюсь, я ничего подобного не встречал» [**7,** 454]. С позиции эстетической теории Н.Г. Чернышевского, прекрасно то, что приносит пользу, Фет отмечает на земле Крыма «вековечное соляное богатство» Сиваша, фруктовые сады (орехи, яблоки, виноград описываются подробно): «Вот где, думал я, человек может жить обеспеченно при наименьших со стороны своей усилиях» [**7,** 454].

Всё изображаемое в разрушенном войной Севастополе превозносится Фетом в высшую степень прекрасного, и, главным образом, героического. Удивителен образ отставного капитана Реунова (в доме которого жил бывший однополчанин Фета полковник Тази), участника обороны Севастополя: получая небольшую пенсию за севастопольскую войну, он содержит баню и сам колет для неё дрова. Своей покойной жене, которая провела с ним все дни в осаждённом городе, он ставит на стол обеденный прибор и её фотографический портрет – «без неё обедать не станет» [**7,** 456]. Живёт он в отремонтированном доме, среди развалин, которые напоминают ему героическое прошлое: «…для меня они красноречивее всяких обитаемых жилищ» [*7,* 456].

Героическим характером наделена жена Реунова: ежедневно под усиленным огнём неприятельского флота она приходила к мужу на Николаевский бастион (Северная бухта) с «чайными принадлежностями»– и среди бесчисленных жертв и потоков крови, напоивши мужа чаем, помогала перевязывать раненных [**7,** 457]. В своём доме она жила почти до полного его разрушения, в самое «опасное время продолжала сидеть на своём обычном месте под окном и вязать чулок», «узнавая по шуму снарядов их направления». Однажды бомба «прошибла пол у ног жены», унесла с собой ребёнка из колыбели и разорвалась в подвале (женщина и ребёнок остались живы).

В «Воспоминаниях» имеются записи о посещении в Севастополе Братского кладбища, основанного в годы Крымской войны; позже, в 1887 г., было написано стихотворение «Севастопольское братское кладбище», посвящённое памяти погибших защитников города в 1854-1855 гг. Поэт испытал воздействие героического духа павших воинов, «отрешённого от всяких личных стремлений, который «один способен стать предметом героического воспевания», т.к. он является наивысшим, идеальным свойством человеческого характера и значит прекрасен. Бескорыстное мужество и жертвенный героизм, «готовность умереть за общую матерь» [*7,* 458] отмечаются Фетом как проявление героического, одной из составляющих категории прекрасного, приносящего «практическую пользу» (как принято в эстетике Н.Г. Чернышевского),т.к и в реальности ,и изображенные в художественном творчестве, они представляют «вековечный пример защитников Севастополя», который «никогда для нас не пропадёт» [**7,** 458] и всегда будет вызывать готовность постоять за свою землю даже ценой гибели. Содержание последних строк стихотворения вызывает на размышление: можно ли завидовать пусть славной, но всё же гибели?

Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно…

По-видимому, пожилой поэт (67 лет), воспев «священный прах» «сынов отчизны», задумался о бренности человеческого бытия и о своём приближающемся конце, и как истинный эстет не мог не показать образец прекрасного окончания жизни: «среди кипарисов, мирт», «отвагой прежней дышат», «счастливцы» [**4,** 27].

Обращение к героической тематике дало повод Фету для теоретических рассуждений о природе героического в литературе вообще и в частности (Гомер «Илиада», Л. Толстой «Севастопольские рассказы»). Поэт заключает, что предметом героического воспевания могут быть и сцены героических битв («не из поэтической гордыни, а из природы самого дела») [**7,** 458], и наравне с ними «классические образы женской красоты, как Елена, Леда, Эвридика». Красота и героическое – как эстетические категории, восходящие к категории прекрасного, ставятся художником на одну ступень.

Джерела та література

1. Аношкина В.Н. Афанасий Афанасьевич Фет. // История русской литературы XIX века. 40-60 годы.– М.: Изд-во МГУ, 2001.- 507 с.
2. Белинский В.Г. Стихотворения Аполлона Майков // Полн.собр.соч.,- . М.: Худож.лит., 1955.-Т.6.-с.18-19.
3. Кузьмин И.А Материалы к биографии А.А.Фета // Русская литература. -СПб.:Наука.-2ОО3.-№1.-С.122-142.
4. Крымская война сквозь призму поэзии.– Санкт-Петербург,2001.- 80с.
5. Розенблюм Л.А. А.Фет и эстетика «чистого искусства» // Вопросы литературы. - М.-2ОО3.-№2.-С.105-162.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Литературная критика.– М.: Современник, 1982.-349 с.
7. Фет А.А. Воспоминания. – М.: Правда, 1983.- 496 с.
8. Чернышевский Н.Г. Избранные эстетические произведения. – М.: Искусство, 1978. - 560 с.